

ВНЕДРЁННЫЙ МИЛЫЙ НЕОПОЗНАННЫЙ,
ИЛИ ВОСКРЕШЕНИЕ ГЕТЕРОНИМА

Фёдор Терентьев. Неполное собрание стихотворений. – Ростов-на-Дону, Самиздат, 2023. – 179 с.

Что можно сказать сегодня, из 2024 года, о Фёдоре Терентьеве? Завершился самый яркий мистификационный поэтический проект последнего времени. Он закономерно привлёк немалое внимание в нашу эпоху, не склонную к литературной имиджевости. Все годы, начиная с публикации первых стихов в паблике (2016), в литературных кругах не прекращали витийствовать по этому поводу. Одни приводили аргументы в пользу существования, другие яростно отрицали факт «всамделишности» поэта, «умершего во время одиночного похода в горы Копетдага от заражения крови», – а последние заодно терялись в догадках, кто же автор странной игры, и прочили на эту роль самых разных персонажей поэтического сообщества. «По мере того, как материалы выкладывались в группе “Ненужное никому” (правильное название – «Фёдор Терентьев». – Б. К.) во ВКонтакте, посвящённой творчеству Федора Терентьева, даже самым закоренелым скептикам становилось ясно, что это не выдумка, не фальшивка, не мистификация», – уверяла Елена Мордовина в статье на «Современной литературе» в 2021 году¹. Реальность опровергла её представления: «В конце года случилось признание, что неподцензурный позднесоветский поэт Фёдор Терентьев – мистификация. Загадочный и талантливый проект, который в наступающем году будет исследоваться и обсуждаться» (Александр Переверзин в итогах 2023 года на сайте Prosodia)².

Парадоксальность проекта сегодня кажется важным осмыслить на нескольких уровнях. Это, во-первых, уровень рецепции: мы имеем дело с беспрецедентным случаем, когда стихи, распространявшиеся их неизвестным создателем только в одном вк-паблике (с не слишком, впрочем, достоверными свидетельствами существования в виде автографов и сканов дневников), влияли на ряд молодых поэтов, становились разнообразными формами заимствования: скажем, одарённый Евгений Мартынов (2003 г.р.) явно находится с ними в плодотворном диалоге. Пронзительные строфы о Терентьеве есть в стихотворении Стаса Мокина (2004 г.р.), явно также не чуждого мистификационности: «и ничего-то нет на свете / и темирканов умер зря / терентьев фёдор мой терентьев / мы знали – не было тебя / ты был придуман тем и этим / внедрён в мозги простых людей / они поверили как дети / а ты в траве лежишь меж соснами / и нет войны в твоей стране / мой милый милый неопознанный / ну выйди к нам на свет скорей». А Григорий Генিকেев (1994 г.р.) породил на основе стихов Терентьева яркий центон, включающий и переклички с текстами обоих, и мотивы гетеронимии, выхода из собственного «я»³. Можно вспомнить и проект «Инокентий Младенцев», созданный несколькими молодыми авторами и явно родственной терентьевскому, и другие примеры.

¹ Мордовина Е. Фёдор Терентьев: «10 зим назад я был молод и умел любить» // Современная литература, 21.02.2021. Цит. по: <https://sovlit.ru/ujti-ostatsya-zhit/tpost/eixg531361-fyodor-terentev-10-zim-nazad-ya-bil-molo?ysclid=lt30qim46n673159754>

² <https://prosodia.ru/catalog/shtudii/itogi-2023-goda-glazami-poetov/>

³ См. об этом в моём обзоре периодики на «Годе литературы»: <https://godliteratury.ru/articles/2021/08/23/obzor-literaturnoj-periodiki-avgust?ysclid=lt31082efn125427066>

Во-вторых, уровень этический. В самом «существовании» (даже при, как выяснилось, несуществовании) «внедрённого милого неопознанного» поэта поражает факт абсолютного бескорыстия. Столь долго таиться, не открывая собственного имени, публикуя стихи под именем выдуманного персонажа и не отвечая на предложения и вопросы возможных публикаторов, – это, однако, говорит о стоической аскезе. (В 2020-м, занимаясь публикацией подборки Терентьева и статьи Мордовиной на «Современной литературе» в рамках нашей мемориальной рубрики, я так же не получил ответа с электронного адреса, указанного в паблике, как не получили его многие другие, кто пытался достучаться до истины). И, увы, сама утрата этого публичного бескорыстия разочаровывает – как будто пала какая-то идеалистическая цитадель, связанная с существовавшей в природе возможностью (неважно даже, с чьей стороны) публиковаться только «заочно» и не открываться литературной общественности вовсе. Что ж, чудес подобного рода, наверное, и правда не бывает, – а если что-то кажется таким чудом, то развеивается какое-то время спустя. Сейчас, задним числом, стало доподлинно известно, что немногочисленная часть литературной общественности была посвящена в секрет Полишинеля – но молчала, скрывалась и таила прежде всего по воле самого автора мистификации¹. К моменту написания рецензии предметом внутренних обсуждений стало готовящееся интервью поэта в журнале «Пироскаф», анонсированное главным редактором журнала Александром Переверзиным в январе 2024-го; пока что номера нет в открытом доступе, я не видел его, но, возможно, оно уточнило бы многие мои формулировки.

Всё это можно было бы посчитать родом пиара, знакомым нам по шоу-бизнесу, – да простят мне ассоциации с попсой, но слишком явно вспоминается история из моего детства с певицей Глюкозой, которая первоначально «существовала» только в виде компьютерного персонажа – и в нужный продюсеру момент «приоткрыла личико» и стала ездить на гастроли, что только спровоцировало дополнительный интерес публики. Поживём – увидим; интуиция подсказывает, что в случае Терентьева речь идёт о более сложном и глубоком явлении, чем последовательная проектность, но какие-то выводы здесь делать пока рановато. Антагонисты проекта раздражались, впрочем, не на оттенок шоу-бизнеса, а скорее противились «серебряновечности» – педальрованию поэта-маргинала, который активно впускает в свои стихи мотивы смерти, алкоголизма и романтической отъединённости. Можно было услышать и суждение о слишком явном сходстве придуманной биографии с реалиями жизни Леонида Аронсона – схожие годы жизни, гибель в горах. Другая же часть аудитории, доверчивая, спорила о простой опечатке «путает труп» (вместо разумеющегося «плутает») как об ошибке тех, кто набирал стихи с рукописей реального поэта, и приводила этот пример в качестве доказательства реалистичности... Понятно, что вне эстетической оценки стихов все эти споры воспринимать нельзя (а они, стихи, диво как хороши и способны этим нивелировать любые привнесённые факторы; и, в конце концов, настоящее значение имеет только их уровень), однако и аргументы «против» ясны вчуже.

В-третьих, парадоксальна книгоиздательская история. Поражают сами обстоятельства выхода книги, логически вытекающие из этой мистификации: «Неполное собрание стихотворений» – это первый в истории литературы случай, когда стихи анонима изданы волей энтузиастов просто из идеалистического представления об их талантливости. А самому «Терентьеву», с которым всё это, естественно, не согласовывали, насколько мне известно, пришлось покупать свой сборник за собственные деньги.

Что же о стихах? Здесь остро чувствуется чтение советской поэзии («Ночь в Дербенте рисовал / Твоего лица овал» – сознательная ли аллюзия на Павла Когана? А к чему отсылает «Неба синий-синий цвет», знающим и объяснять не надо), её интонации и приметы эпохи; возможно, всё это слегка форсировано в целях «создания» поэта-семидесятника. В то же время ощущаются

¹ Не забудем и про определённые жесты, связанные с акцентированием существования Фёдора Терентьева для аудитории. Так, создатель проекта разместил в своём паблике информацию о предложении по расшифровке неизданных рукописей поэта (написав стихи, естественно, своим почерком). На это, естественно, многие «клюнули».

усиленные прививки метареализма и Бориса Рыжего – те свойства поэзии Терентьева, которые ранее всех других свойств убеждали меня в «несуществовании» советского маргинала. «Б..ди с филфака» – это ведь «облеплен музами с филфака» Рыжего, но такую аллюзию ещё разглядеть надо, да и когда найдёшь её – поди докажи. В этой книге чувствуется некоторый нажим пера, связанный с усиленным вхождением в образ маргинального советского поэта, не чуждого трансформации лирических клише. Но, поскольку в 2024-м мы знаем то, что знаем, строки Терентьева воспринимаются с двумя эмоциями: первая – это скепсис следовательского толка (в попытке разглядеть приметы «проектности»), вторая – удивление (тем, насколько это самоощущение нетипично для нашего современника). Всё это немного раздваивает читательское сознание. Скажем, читая строки «летит газетная бумага / и пролетает мимо нас» изнутри веры в проект «Фёдор Терентьев», мы неизбежно думаем о советской официальной печати. Воспринимая же это с позиции современного поэта (про которого уже известно, что довольно молод и реалий семидесятничества не застал), – не можем маркировать иначе, кроме как вхождение в образ; газетная бумага сегодня анахронизм в публикационном контексте, да, пожалуй, и в любом другом. В то же время стихотворение имеет ошарашивающий финал, который может прочитываться только как концентрация чистейшего вещества поэзии: «И обретает человек / глаза, размокшие, как глина / на руках библейских рек». И это, как ни крути, внушает доверие к стихам прежде мыслей о «проекте» и «сделанности».

Здесь вообще будто бы срastaются два пласта, они же провоцируют два уровня читательской рецепции. На одном плане словесный ряд, связанный с советской эпохой и дистанцированием от неё. Он несколько демонстративен, он словно держит поэта в узде, ни на минуту не давая забыть о «принадлежности» этой эпохе (или о необходимости внушить читателю это представление?). Второй пласт касается тяги к более сложному, суггестивному образу, который уже не инкрустация, а подлинность. Переключаясь на первый уровень восприятия, думаешь, что строка «ни до ни после не буду издан» для современного поэта, пишущего вполне «публикабельные», талантливые стихи, – проявление странного фатализма в сегодняшнем многоголосии и немногом шизофреническом литературном пространстве, где, по ехидному выражению Игоря Волгина, «российский читатель – самый гуманный читатель в мире: поэт абсолютно любого уровня найдёт свою аудиторию». (Жизнь, как мы видим, опровергла и эти представления – о «неизданности»). Ощущая этот нажим пера, иногда видишь подчёркивание влияний, которое и выдаёт льва по когтям: в стихотворении «Ещё луна в бутылке пива...» упоминание Заболоцкого предшествует вполне подражательному по отношению к «Столбцам» отрывку «Я трогал лапками чернила, / царица мух меня любила, / над телом розовой севрюги / мы танцевали вальс и буги, / в глазах поэта дым вился... / Но это описать нельзя». Фрагмент очевидным образом выпадает из канвы узнаваемой и самостоятельной поэтики, в которой на уровне сборника нет сомнений; но важно даже не это, а само «выныривание» из возможности упрёка в подражательстве, которое достигается путём упоминания предшественника, эдакого выхода с открытым интертекстуальным забралом¹. Такие моменты выдают филологическое чутьё и не соотносятся с образом маргинала, про которого нам было сказано о его полной изоляции от литературной среды². А строфа «Как всё это, Господи правый, / красиво, что сердце в дыму / стучится в грудные оправы, / и я открываю ему» немедленно воскрешает в памяти: «Мне кажется, тесно и строго / и так уже в доме моём, / как будто под Господа Бога / часть зданья сдаётся внаём» из позднего творчества Дениса Новикова. Слова Михаила Айзенберга «за скобками звучит голос самого стихотворения» как нельзя лучше охарактеризова-

¹ Здесь, конечно, возможна и иная интерпретация: палимпсестуальное написание как бы «по канве» Заболоцкого, намеренное заимствование его интонации – и, соответственно, постановка себя в один ряд с классиком.

² Тут мне, впрочем, подсказывают, что Терентьев учился на филфаке; вряд ли там, конечно, в советское время читали Заболоцкого, но в любом случае, мысль о «полной изоляции» оставляю под вопросом. Смотря как понимать эту «изоляцию».

ли бы эту потрясающую по чистоте и рецептивной силе терентьевскую строфу; однако датировка «1972» под текстом Фёдора не слишком коррелирует с новиковской поэтикой 1999-го, создаёт неизбежную путаницу верха и низа – с разумеющейся оговоркой, что, мол, в случае Терентьева вообще недоказуемы слишком явные влияния и растворены в крови стиха.

Упоминание «партии» в двух случаях становится метафорой, которая позволяет разделить эти словесные пласты и уровни читательской рецепции – один условно нацеленный на суггестивность, другой – соотносимый с маркерами советской эпохи. «А можно женщину любить, / а можно партию – но сложно» – вполне понятный советский компромисс того, кто на пару минут колеблется, стоит ли пойти в ногу в невыносимых строевых условиях. Иное – в строках «мой Господь, не прошу, только вижу твоих подопечных / на партийных ножах, и я чувствую смерть животом». Тут уже речь о более сложном многослойном образе, сочетающем фразеологизм «на ножах», пророчество (предвестье будущей многопартийности) и расширенный ассоциативный спектр эпитета «партийный» – и советская партия, и «партийность» в более широком, «групповом» смысле. Но если подчёркнутые свидетельства собственной маргинализации («Чушь, я в грязных ботинках / и дырявом плаще. / Я в таких поединках / не бываю вообще») часто выглядят всего лишь как «наклейки», своеобразные маркеры принадлежности к неподцензурному бытованию, то демонстративные мотивы, связанные с эстетизацией смерти, в какой-то момент начинают откровенно раздражать: «Шнур от бритвы завязать / В осторожную петлю» – всё это мы уже проходили с Борисом Рыжим, чьё родство со смертью было менее выпяченным и более тонко инкрустированным в личностный сюжет поэта. Но там закончилось гибелью, а здесь воскрешением, – и, что говорить, сам выход из «гибельной эстетики» делает проект «Фёдор Терентьев» как бы похороненным, ретроспективным, заставляет видеть в нём оттенок поэмы. Было бы цинично и преступно говорить, что такой проект должен быть оправдан трагическим исходом, – но несомненно одно: в ореоле гетеронима эти тексты смотрелись, сейчас же побуждают рассматривать его как бы задним числом. «Посмертное» существование автора (оно же – его воскрешение в роли «живого» современника) словно зачёркивает проект, лишает его слитности на уровне биографии и эстетики, оставляя чисто социологический интерес к написавшему всё это человеку. Этот интерес – даже не из серии «что ещё напишет и от какого имени?» (хотя и это, безусловно, крайне любопытно), а – «для чего писал, публиковался, входил в образ?»; «что испытывал, рождая в наше время строки, явно не соответствующие этому времени, избыточные приметам советского?». Следовательская же позиция, которая в таком случае имманентна, способна либо утомить (хочется как будто отодвинуть странного автора от нашего проживания этих стихов; его анонимная и вместе с тем настойчиво сопровождающая фигура чрезмерно избыточна по отношению к ним), либо пробудить недолговечный сыщицкий дух – в зависимости от темперамента читающего. Но этот контекст, «неимманентное» восприятие, некоторая работа сознания на разрыв – теперь навеки с книгой. И от этого её будущим исследователям никуда не деться.

«неудавшийся поэт. / Безработный, в общем, циник / из марателей бумаг, / завсегдайта по-ликлиник» – такой образ преподносит нам стихотворение, датированное 1970-м годом; образ поэта, движущегося к концу. «Анонсированные» Александром Переверзиным в 2024-м обсуждения ведут к началу и, чувствуется, могут открыть много интересного. Но началу чего? Этапа, в котором будут другие стихи под собственным именем? Периода, в котором останутся лишь интервью и поэтическое – публичное, по крайней мере, – молчание? Мы заинтригованы самим фактом перерождения – и не собираемся сходить с детективной позиции, да и при всём желании это было бы сложно. Здесь открывается почва и просто для филологического сравнительного контекста – уже исследовательского, а не следовательского. Что ж, такой путь разговора о стихах «тех» и «новых» (если новые-таки будут), может быть, и более продуктивен. Многим из нас удалось стать другими поэтами, став поэтами уже сложившимися (самый очевидный пример последнего времени, наверное, Екатерина Симонова, и кардинальным образом изменившая свою поэтику, и придумавшая мистификацию под именем Анны Арно). Отчего бы и не воскреснуть в новом

качестве погибшему в горах советскому маргиналу? А поговорить с автором в жизни, конечно, было бы жутко интересно – и что-то подсказывает: такая встреча может опровергнуть всё ранее сказанное в этой рецензии. Пути гетеронима и его живого автора неисповедимы.

Р. С. Интервью в «Пироскафе» я всё-таки прочитал – уже после написания этой рецензии, но решил ничего не исправлять в ней, а добавить этот постскрипtum. Благо эти краткие ответы создателя проекта не опровергли предыдущие рассуждения.

Есть не известные мне ранее подробности: «Студенты и аспиранты писали работы по его творчеству, проходили чтения и музыкальные вечера его памяти» (из предисловия Александра Переверзина).

Из того, что кажется несомненным (в том же предисловии): «Аргументы против существования Фёдора Терентьева очевидны: поэта такого масштаба достать из ниоткуда практически невозможно; нет ни одного упоминания о поэте у исследователей той эпохи; человек, который ведёт страницу Терентьева в соцсетях, не называет себя, что само по себе странно – если ты обнаружил архив выдающегося автора, нет объяснений держать себя инкогнито. При этом многим хотелось верить в существование загадочного поэта, стихи которого приправлены лёгким флёром опьянения, одиночеством, тоской, туманом и экзистенциальными поисками, жизнь которого прошла в неизвестности и закончилась ранней трагической смертью. Терентьева читали, о нём спорили, ждали публикации новых стихов из архива».

Из любопытного (что, кажется, подтвердило мои догадки о намеренном создании образа неподцензурного маргинала): «В начале я по-доброму иронизировал над мифами и некоторыми представлениями о типичном образе “простого советского гения”. Сканы черновиков, винные пятна и прочее». Так отвечает создатель проекта.

Вот совсем неожиданное – без интервью поэта не «вычитаешь» этого из текстов: «Иногда доводилось жить на территории нефтяного месторождения. Могу сказать, что географическая обособленность тех мест, их автономность и пейзаж с маленьким человеком в огромном снегу – всё это точно не прошло для Терентьева бесследно».

Он же – о перспективах издания собственной книги: «История уже завершена, и сейчас таких планов нет. Появится ли книга в будущем, сказать трудно». Но книга появилась (пусть и без ведома «Терентьева»). Про возможные публикации под собственным именем – ничего нет.

Взгрустнулось при чтении этого фрагмента о том, как сплетни литпроцесса способны оказаться деструктивными: «Но после того, как некоторые люди стали утверждать, что лично знали Терентьева или читали его стихи в девяностые годы, я больше не видел смысла продолжать эту линию. К любым мемуарам с тех пор отношусь с большой осторожностью».

31 год. По образованию – историк.